

Копипаста:Номад — Lurkmore

Копипасты о похождениях и подвигах бравого журналиста Владимира Горячева.

Хочу быть Номадом

Двач, я хочу быть Номадом. Не потому что я хочу быть каким-то тупым мемом. Вовсе нет. Ты только представь. Номад занимается любимым делом — пишет рецензии на игры, порядочно играет, у него есть дс и хай-енд ПК. Он практически хикикомори, но, наверное, при этом у него много эрудированных друзей. Он живёт в тихом городке, где никто не будет тебя беспокоить. Он может днями вкусно кушать, слушать альтернативный рок, смотреть сериалы, в виде фирефли, и аниме, в виде хеллсинга и бибоба. Сидеть за уютненьким рабочим столом. В это время за окном будет идти сильный дождь. И я ел бы вкусный йогурт с мюсли и разогретую мамину еду в микроволновке. Завернулся бы в тёплый плед, посмотрел ещё раз в окно, на ливень, на соседние деревянные домики, напоминающие о славных 70-х, о детстве Номада, и заснул бы. Заснул бы, утопая в счастье. Но такого не будет никогда. Я не Номад. Я жалкий неудачник без образования, будущего и способности найти себя в обществе. И быть Номадом, заниматься любимым делом, смотреть днями сериалы, аниме — всего лишь невыполнимая, утопичная мечта.

Подражание Номаду

Двач, я не понял, что за дела? Я прочитал все рецензии Номада. И потом я вышел на улицу. Если раньше я был обычным и серым человеком в толпе, то в этот раз я чувствовал себя сильным и мужественным автором правдивых рецензий. Я кривил лицо как Номад и чувствовал себя им. Но потом возле ночного магазина ко мне подошло двое ребят и попросили позвонить. Я выдержал паузу, не моргая смотрел в их лица. Потом я достал телефон и знаешь что, двач? Я делал всё как положено - крикнул "THIS IS ХУИТААА!!!1" одному из них в лицо, желая оглушить, потом прямым взглядом посмотрел в глаза другому, нагнулся к его уху и, скривив по-номадовски губы, прошептал "хуитааааа", надеясь увидеть как противник будет задыхаться с выскочившими из орбит глазами. Но у меня ничего не получилось! Мои противники посмеялись, больно-больно ударили меня и ушли прочь. Старина двач, что я сделал не так, почему серкет моего любимца не сработал около ночного магазина?

Жизнь Номада

Оригинальная паста

Номад просыпается от солнечного света, бьющего ему в лицо. Грациозно потянувшись на шелковых простынях, он бросает взгляд на циферблат лежащего на тумбочке «Патека». Полдень.

«Хорошо жить свободным» — коротко думает Номад и расслабленно смотрит в потолок, прислушиваясь к пению соловья за окном. Все его тело приятно ноет — так отзывается вчерашняя тренировка в престижном фитнес-клубе.

Шумно вздохнув, он откидывает одеяло и встает. Просторная комната залита светом — погода этим июльским днем обещает быть хорошей. Хрустнув суставами, Номад выходит в коридор и смотрится в зеркало.

Широкие плечи, выпуклые грудные мышцы, дорожка волос, бегущая по рельефному прессу. Все это великолепии венчает лицо, достойное Аполлона — сильно выраженные скулы, волевая нижняя челюсть, прямой нордический нос, открытый ровный лоб, свидетельствующий о незаурядном интеллекте, чистые голубые глаза. Слегка взъерошенная шапка шелковисто-блестящих темных волос дополняет картину.

В ванной Номад садится на край джакузи и рассеянно болтает ногами. Он думает о делах. Принимая душ, он вертит головой и с удовольствием направляет себе в лицо струю прохладной воды. Вытираясь, он напевает свою любимую мелодию. В детстве Номад пел в церковном хоре и имеет весьма достойный голос.

Он возвращается в спальню и подбирает с прикроватной тумбочки телефон «Верту». Привычно набирает номер водителя, одновременно разглядывая свои ногти, находящиеся в идеальном состоянии.

«Андрей? Подъезжайте сегодня к двум часам, отвезете меня в аэропорт» — говорит он приятным баритоном. Одеваясь, он поглядывает на свой единственный чемодан. Номад любит путешествовать налегке.

Выходя на улицу, Номад оборачивается. Снова пришло время покинуть на месяц этот зеленый дом в Клину, столь неказистый снаружи и столь великолепно обставленный внутри. Снова пришло время оставить любимое развлечение — написание рецензий для АГ и модерирования форумов. В отсутствие Владимира этим займется специальный человек, в совершенстве знающий стиль письма Номада. Подъезжает лимузин. Выскочив с места водителя, шофер Андрей приученно улыбается и в легком

полупоклоне открывает перед Номадом дверь. До аэропорта Домодедово ехать долго, и Владимир надевает наушники. Читать он в транспорте не любит, так как от этого его укачивает. Один из столь немногих недостатков этого человека.

На самом деле

Номад просыпается от солнечного света, бьющего ему в лицо. Скрючившись в неестественной позе, он бросает взгляд на циферблат висящих на стене убогих китайских часов. Семь утра. «Как же это заебалось» — привычно думает Номад и напряженно вглядывается в экран монитора, прислушиваясь к завыванию кулера — там видна вчерашняя закачка с популярного торрент-теркера. Шумно вздохнув, он откидывает одеяло и встает. Тесная каморка залита светом — смотреть в монитор будет сложно. Хрустнув суставами, Номад слегка поворачивает голову и смотрится в зеркало из старых CD дисков. Узкие плечи, впалая грудь, желтая дорожка, бегущая по семейным трусам. Всю эту убогость венчает лицо, достойное прыщавого задрота — сильно выраженные уши, прыщавая нижняя челюсть, прыщавый нос, прыщавый лоб, свидетельствующий о хронической девственности, красные от монитора глаза. Слегка взъерошенный пучок жирных темных волос дополняет картину. В ванной Номад садится на щербатый унитаз и рассеяно мнет кусок газеты. Он думает о проклятом дошираке. Умываясь из тазика, он вертит головой и с удовольствием плескает себе в лицо пригоршню теплой ржавой воды. Вытираясь вонючим грязным полотенцем, он смрадно попердывает. Вчера, как и всегда, Номад ел доширак и магазинные пельмени и бздо имеет весьма достойный аромат. Он возвращается в спальню и подбирает с пола телефон «VEF». Привычно вертит диск, одновременно разглядывая свои ногти, обкусанные и грязные. «Владимир? Чтобы к двум часам вы заплатили за квартиру, или мы отвезем вас в лес» — говорит ему трубка приятным баритоном. Одеваясь, он поглядывает на свой единственный полиэтиленовый пакет. Номад любит ходить с пакетом. Выхода на улицу, Номад оборачивается. Вот и пришло время покинуть навсегда этот зеленый дом в Клину, столь неказистый снаружи и еще более ничтожно обставленный внутри. Снова пришло время заняться ненавистным трудом — написанием рецензий для АГ и модерирования форумов. Из-за отсутствие квартплаты его поиском займется специальный человек, в совершенстве знающий стиль письма Номادا. Подъезжает трамвай. Выскочив с места водителя, кондуктор Андрей приученно скалится и легким пинком закрывает перед Номадом дверь. До радио-рынка идти долго, и Владимир застегивается до верха. Ездить в трамвае он не любит, так как от этого его укачивает. Всего лишь мелкий, из столь многих, недостатков этого человека.

Киберномад

Номад просыпается от сероватых солнечных лучей, с трудом пробивающихся через хитросплетения коммуникаций. Вернее просыпается только одна его половина. Номаду по нраву этот краткий момент. Когда он ещё ощущает своё человеческое «Я». Но вот сон развеивается, и в мозг врывается довольно брутальный поток мыслей, таких чуждых, но в то же время таких своих. Номад морщится, всё таки интеграция ещё не совершенна. Но уже через секунду новым, холодным разумом он радуется новому ясному утру в мире информационного смога.

Жилище уже не кажется ему центром паутины проводов и игл, точка зрения нежного человеческого «Я» теперь для него смешна. Потоки информации приятно ласкают его взор. Пока они спокойны и грациозны, словно волнение в океанский штить.

Садясь на кровати (она теперь для него тёплая и уютная) Номад с удовольствием замечает, что скорость анализа возросла на 15 %. Не зря он провёл вчера вечер у самого дорогого нейроархитектора города.

«Хорошо жить свободным» — коротко думает Номад и расслабленно смотрит в потолок, прислушиваясь к шуму Агентов Расширения за окном.

Прямо перед ним всё что надо для утреннего моциона. Небольшое зеркало отражает его лицо. Живые ткани порядочно заросли щетиной, но это пока его мало беспокоит- красота Нового Человека не физическая. А гармония потоков Анализа и Созидания, видимая всем, радовала глаз.

Сегодня был день работы присутствия — а значит пора собираться в недалёкую поездку на работу. Температура за границей жилища была +12.8 градусов Цельсия — а значит вполне приемлемо для пешей прогулки, мощности обогревателей органической части хватит вполне.

Во время коротких сборов мысли Номادا отвлекла его работа — Наполнение Улья Аг.ру. Почему Улей так назывался он смутно помнил, но память до интеграции была зыбка и неясна. Через количество секунд, кратных 7 (такая вот слабость к числам) Номад был вне жилища, готовый к походу на работу присутствия — не связанную с Улем, просто физическая работа на нужды социума.

Одно преимущество Интеграции никогда не надоедало ему — чувство неограниченной мощи, физической свободы и скорости. Развивая скорость 38 км/ч и беря курс на Восток Номад старательно избегал движения параллельно брутальным Силовым Каналам, ему было противно — один из столь немногих его недостатков.

Постапокалипсис

Номад просыпается от пищания Центрального. Безумно хочется перевернуться на другой бок и заснуть,

но с Центральным шутить нельзя. Норма на сон, норма на еду, норма на свободное время, норма, норма, норма. Нормы эти никогда не учитывали персональные особенности человека. Номад любил и поспать, и поесть, и побездельничать. Но — нельзя.

Вместе с ним просыпается ещё десяток людей — его новые вынужденные знакомые. Все встают быстро, проявлять слабость нельзя, накажут. Вместо света из окон — тусклые ксеноновые светильники, дающие немного ультрафиолета для людей и растений.

Стоя в очереди в санблок, Номад смотрит в зеркало, где отражается очередь таких-же как и он.

Широкие плечи, выпуклые грудные мышцы, дорожка волос, бегущая по рельефному прессу. Все это великолепии венчает лицо, с серыми уставшими глазами, скулами-переросками и морщинами. Да, физическая форма в Бункере быстро приходит к единому стандарту. А ведь ещё год назад, Номад помнил этот день, он просыпался от солнечных лучей, смотрел в зеркало на хилого задрота и писал рецензии для Аг. Ру. Да, многое сменилось. Сегодня Центральный назначил новую работу — восстановление ЭВГ, ветрогенераторов то есть. Работа была важная, ЭВГ обеспечивали 80 % энергии Бункера. Ветры и пыль — всё что осталось от мира наверху. Одевая защитный костюм класса ноль, полная защита, до трёх часов на поверхности, Номад планировал поездку к полю 43. Туда вело как минимум два транспорта — Струна и автобус штрафников. Оба были неприятные, но Номад выбрал автобус. Болтаться на высоте 20 метров Номад не мог — один из немногих недостатков этого человека.

Нечто неясное

Номад просыпается от солнечного света, бьющего ему в лицо. Грациозно потянувшись на шелковых простынях, он бросает взгляд на циферблат лежащего на тумбочке «Патека». Полдень.

«Хорошо жить свободным» — коротко думает Номад и расслабленно смотрит в потолок, прислушиваясь к пению соловья за окном. Все его тело приятно ноет — ночные развлечения дают о себе знать.

Шумно вздохнув, он откидывает одеяло и встает. Просторная комната залита светом — погода этим июльским днем обещает быть хорошей. Хрустнув суставами, Номад выходит в коридор и смотрится в зеркало.

Мда, тело уже не то. Следы ночной оргии горят так же ярко, как и ночью. Соски вместо обычного тёмно-бугорго цвета алеют огнём. Живот весь в красных точках, кое-где продолжающихся кровоподтёками. Номад усмехается — игры с иглами ему по нраву. Труссы он не носит принципиально — Сокровище должно быть свободным. На Сокровище, к слову, тоже последствия ночных забав. Синюшным кольцом вокруг яиц и члена обвивается след от верёвки. Номад проводит по следу пальцами и морщится.

Огромной неожиданностью для него становится посторонний предмет в анусе. Номад нагибается — и видит огромную анальную пробку, лишь слегка выглядывающую оттуда.

Из того же ракурса ему становится виден и виновник неудобства — огромная профессиональная видеокамера, до сих пор светящая красным зрачком.

Да, Номад тайно снимает фетиш—порно, боясь раскрыть свою личность. Пряча лицо, он быстро выключает камеру и стирает ненужный кусок. Внезапно Номад взрагивает, от холодного резинового прикосновения. Оборачиваясь, собирает пальцы в кулак и обрушивает его на пожилую блядь в латексном костюме. Номад ненавидит старых блядей, но и не может без них - один из немногих недостатков этого человека.

Номад 1984

Номад проснулся от того, что в лицо ему бил хмурый солнечный луч. Уткнув подбородок в грудь, чтобы спастись от злого ветра, дующего из рассохшегося окна, он торопливо шмыгнул за в туалет жилого дома в поселке Клин, но все-таки выпустил за собой вихрь мелкой строительной пыли, оставшейся со времен прошлой Недели чистоты.

«Свобода — это рабство» — коротко думает Номад, выходя из своей коммунальной ячейки. В подъезде пахнет вареной капустой и старыми половиками. Против входа на стене висит цветной плакат, слишком большой для помещения. На плакате изображено громадное, больше метра в ширину, лицо человека лет двадцати пяти, гладковыбритое и с квадратной челюстью, грубое, но по-мужски привлекательное.

Все как один, пассажиры спецмаршрута для сотрудников Министерства Правды смотрят прямо перед собой, делая вид, что внимательно слушают радиовыступление Старшего Брата. Сочный голос говорит что-то о производстве консольных игр, зачитывает цифры. Голос шел идет из заделанной в правую стену обшарпанной газели продолговатой металлической пластины, похожей на мутное зеркало. Водитель повернул ручку, голос ослаб, но речь по-прежнему звучала внятно. Аппарат этот притушить было можно, полностью же выключить — нельзя. Водитель явно предпочитал игры для ПК. И он был обречен. Как и все остальные в этом автобусе. Не важно, чем ты занимаешься, СТАРШИЙ БРАТ СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ.

С глубоким безотчетным вздохом, которого он по обыкновению не сумел сдержать, несмотря на близость телекрана, Номад начал свой рабочий день: притянул к себе клавиатуру, сдул пыль с дисплея и надел

очки. Затем привычным движением раскрыл футляр, выскочивший из пневматической трубы справа от стола. Его задание на сегодня.

Номад просмотрел три развернутых листка. На каждом — текст в одну-две строки, на телеграфном жаргоне игровых рецензий, который не был, по существу, новоязом, но состоял из новоязовских слов и служил в министерстве только для внутреннего употребления. Задания выглядели так:

Ag.py 17.03.84 речь с. б. превратно Fallout уточнить
Ag.py 14.02.84 пресс-релиз превратно Lada Racing club уточнить
Ag.py 03.12.83 минусминус изложен наказ с. б. упомянуты крепкие середнячки
переписать сквозь наверх до подшивки

С тихим удовлетворением Номад отодвинул третий листок в сторону. Работа тонкая и ответственная, лучше оставить ее напоследок. Остальные три — шаблонные задачи, хотя для второй, наверное, надо будет основательно покопаться в цифрах.

Номадмансер

Номад просыпается от назойливого писка будильника старых электронных часов, приютившихся на тесном журнальном столике, почти полностью занятом старенькой кибердекой «Оно-Сендаи». Семь утра. Номад неприятно морщится и, шумно вздохнув, встает с кровати, привычным жестом откидывая одеяло. Пытаясь потянуться после своего недолгого и неудобного сна, он упирается руками в низкий потолок — безобразный потолок цвета телевизора, транслирующего давно мертвый канал.

За старым окном старого кондоминиума на одной из бесконечных улиц Города, - Ленинградско-Волгоградского Конгломерата Городов, или попросту ЛВКГ, - привычно шумит ни на секунду не прекращающийся трафик. Сотни электрокаров и автомобилей на водородном топливе, приземистые ховеры, во множестве списанные после войны, рокот роторов милицейского вертолета, проносащегося над тянущимися на многие километры кварталами столицы Новой Советии... И люди. Сотни, тысячи людей, спешащих куда-то по своим делам под свинцовым утренним небом Города, спешащие непрекращающимся, незатихающим потоком с утра до ночи.

«Как же это заебалю» - привычно думает Номад и разворачивается, намереваясь направиться в то, что гордо именовалось совмещенным санузелом. В коридоре он останавливается и смотрит на свое отражение в старом пыльном зеркале, висащем на стене. Ссутулившиеся плечи, впалый живот, заросший щетиной подбородок и линзы, вживленные когда-то давно поверх глаз, в которых отражается его собственное отражение в зеркале, в линзах которого отражается он сам — и так до бесконечности. Давно не мытый пучок жирных темных волос дополняет картину.

В ванной Номад садится на щербатый, потускневший от времени унитаз и задумчиво вертит в руках единственный оставшийся дерм. Вздыхая, он откладывает его в сторону, открывает кран и начинает умываться, с удовольствием плеща себе в лицо пригоршней холодной, явственно отдающей очистительными агентами воды. Вытираясь давно отсыревшим полотенцем и зябко поёживаясь, Номад идет обратно в комнату и принимается одеваться перед долгой поездкой на монорельсе на дальнюю окраину Города, где он шесть дней в неделю занимается столь ненавистным ему трудом — написанием рецензий для кибержурнала «АГ.су» и присмотром за отведенным журналу участком киберпейса. Он ненавидел эту тупую, рутинную работу, но иначе зарабатывать деньги на дермы — единственное, что помогало ему уйти от вконец заебавшего беспросветного существования, - он не мог. Одевшись, он сует давнешний дерм в карман, где уже лежит позавчерашний протеиновый батончик, берет кибердеку под мышку и покидает свое жилище, выходя в воняющий мочой и разукрашенный граффити подъезд кондоминиума.

Уже на станции монорельса, дожевав батончик, Номад, воровато озираясь в поисках патрульных роботов МВД, заворачивает в ближайшую подворотню. Бережно опускает старый «Оно-Сендаи» на пол, закатывает рукав, достает из кармана дерм и начинает втирать его себе в кожу предплечья. До лежащего на дальней окраине подвала, откуда выходят в Матрицу такие же, как он, рецензенты «АГ.су», без малого час езды, и дерм поможет скрасить путешествие. Номад терпеть не может езду в вечно переполненных монорельсах — один из неисчислимых недостатков этого человека.

Читайте ещё

- [Аватар](#)